

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 100–111.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 100–111.

Обзорная статья
УДК 130.3
DOI: 10.37482/2687-1505-V394

Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки

Елена Владимировна Кудряшова¹

Евгения Юрьевна Макулина²✉

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹e-mail: e.kudryashova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

²e-mail: makulina.e@edu.narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Аннотация. Цель настоящей работы состоит в обобщении проблематики социально-исторической памяти на материале социальной философии, а также в попытке взвешенной оценки текущей ситуации и стратегий сохранения генетических оснований отечественной культуры. Методология исследования выстроена на основе идеи сложности открытых социальных систем, теоретического анализа социально-политологической и социально-философской литературы. В работе дана социально-философская интерпретация концептуального различия социальной и исторической памяти. Охарактеризованы фундаментальные особенности социально-исторической памяти, берущей свое начало в механизме воспроизводства генетических оснований культуры с одной стороны и специфике социальной структуры общества с другой. Результаты исследования показывают, что историческая и социальная память неразрывно связаны, выступая в отношении друг друга в качестве, во-первых, содержания памяти, во-вторых, способа ее организации, т. е. хранения и транслирования ее содержания. В статье представлен краткий обзор актуальной социально-философской проблематики различных аспектов социально-исторической памяти, выявлены основные современные акторы социальной памяти и проблемы их взаимодействия: мемориальные группы, мемориальное законодательство, войны памяти и война с памятью, а также дилеммы понимания природы конфликта между различными системами памяти, базирующимися на разных ценностных основаниях. Отмечено, что в отношении исторической памяти существуют вызовы, преодолевая которые она претерпевает существенную трансформацию, вовлекаясь в повестку современной цифровой коммуникации, связанную со множеством новых информационных феноменов, фундированных природой Интернета. Ввиду новых условий функционирования социально-исторической памяти в России выдвигается положение об уязвимости классических способов сохранения и трансляции памяти, в связи с чем актуализируется вопрос об изучении опыта сохранения памяти и его адаптации к новым условиям транслирования информации. В финале статьи намечены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, историческая травма, политика памяти, суверенитет памяти, войны памяти

Для цитирования: Кудряшова, Е. В. Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки / Е. В. Кудряшова, Е. Ю. Макулина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 100-111. – DOI 10.37482/2687-1505-V394.

Review article

Memory Wars and the War on Memory, Memorial Sovereignty: Approaches, Conceptions and Projects

Elena V. Kudryashova¹

Evgenia Yu. Makulina²✉

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

¹e-mail: e.kudryashova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

²e-mail: makulina.e@edu.narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Abstract. The purpose of this article is to generalize the problems of socio-historical memory based on the material of social philosophy, as well as to attempt a balanced assessment of the current situation and strategies for preserving the genetic foundations of Russian culture. The research methodology is based on the idea of the complexity of open social systems and on a theoretical analysis of politico-sociological and socio-philosophical literature. A socio-philosophical interpretation of the conceptual distinction between social and historical memory is provided. Further, the paper describes the fundamental features of socio-historical memory, which originates in the mechanism of reproduction of the genetic foundations of culture on the one hand, and in the specifics of the social structure of society on the other. The results of the study demonstrate that historical and social memory are inextricably linked, acting in relation to each other, firstly, as the content of memory, and secondly, as a way of organizing it, i.e. storing and broadcasting its content. In addition, the paper presents a brief overview of the current socio-philosophical issues of various aspects of socio-historical memory and identifies the key modern actors of social memory and the problems of their interaction: memorial groups, memorial legislation, memory wars and the war on memory, as well as dilemmas about the understanding of the nature of conflict between various memory systems based on different value foundations. The authors note that historical memory is faced with challenges, overcoming which it undergoes a significant transformation by getting involved in the agenda of modern digital communication associated with a variety of new information phenomena that emerge due to the nature of the Internet. Taking into account the new conditions for socio-historical memory in Russia, the authors point out the vulnerability of classical methods of preserving and broadcasting memory. Thus, studying the experience of memory preservation and its adaptation to the new conditions of disseminating information becomes relevant. The authors conclude by outlining ways to solve the aforementioned problems.

Keywords: *social memory, historical memory, historical trauma, politics of memory, sovereignty of memory, memory wars*

For citation: Kudryashova E.V., Makulina E.Yu. Memory Wars and the War on Memory, Memorial Sovereignty: Approaches, Conceptions and Projects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 100–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V394

Социальная память без исторической памяти, т. е. конкретной истории социума, пуста, а историческая память без развитой социальной структуры часто слепа и бесструктурна, нерелексивна, а значит, не способна выработать достаточную степень самосознания в отношении самой себя и, соответственно, идентифицировать себя как субъекта истории, а также воспроизводить и защищать себя.

В любом относительно развитом обществе, независимо от доминирующей на определенном этапе его развития социальной структуры, всегда существует способ транслирования этой структуры и ее духовного содержания из прошлого в будущее, от устной традиции и мифа до создания цифровых интерактивных музеев. Воспроизводство каждого конкретного социального механизма определяется его востребованностью, конкурентоспособностью, т. е. его потенциалом отвечать на вызовы, которые могут идти от собственного начала культуры и, конечно, приходят извне, т. е. заимствуются. Неизбежное развитие истории человечества неминуемо разветвляет и структуры памяти, достраивая связи между ее элементами не только по горизонтальному принципу «прошлое – настоящее – будущее», но и создавая вертикальные, сложные нелинейные сетевые структуры памяти, накладывающие полиэкранный характер оценок и восприятий на одно и то же событие в прошлом. Межцивилизационное взаимодействие образует еще более пеструю сеть наложений вертикальных и горизонтальных «памятей» конкретных культур, создавая свои всемирно-исторические мейнстримы, высвечивая память об одних и затемняя или полностью забывая о других. Различные слои памяти могут смещаться относительно друг друга, накладываться и причудливо перемешиваться, особенно сильно это ощущается, когда социальная структура претерпевает коренную ломку привычных алгоритмов воспроизводства и развития, испытывает некое внешнее воздействие иной, чуждой для нее структуры. Последующая адаптация к новым условиям, выработка своих и заимствование новых

структур приводят к обрушению или расколу предыдущей системы элементов. Данные процессы постоянно сопровождаются аналогичными в структурах памяти. Процессы кратно усложняются, когда трансформации подвергается вся человеческая цивилизация. Именно в такой ситуации сегодня находится мир в целом и социально-историческая память России в частности.

Пытаясь анализировать социально-историческую память, необходимо учитывать широкий контекст современного социально-философского понимания памяти как сложного феномена. Проблема памяти включает в себя множество вопросов: различение социальной [1] и исторической памяти; мемориальное законодательство и мемориальные группы; «мобилизованная память»; социальная «беспамятность» («Иваны, не помнящие родства»); эпизодическая память; воспоминания о будущем [2]; утопия, т. е. поиск забытого золотого века или ожидание светлого будущего; «множественность памяти»; войны памяти; коллективная память и модель социальности памяти (социальной детерминированности памяти) [3]; соотношение индивидуальной и коллективной памяти [4]; коммуникативная память [5]; соотношение знаний и памяти конкретного субъекта познания [6]; спонтанно-образная память в творчестве [7] и искусство памяти [8]; платоновский анамнезис (припоминание забытых, но вечных знаний) и психоанализ памяти (работа терапевта с памятью пациента, патогенными вытесненными воспоминаниями) [9]; вечное возвращение (Ф. Ницше); «анамнезис прерванного в истории»; травмы коллективной памяти [10]; презентизм и антикваризм в отношении прошлого; меметика (меметический отбор [11]); управление исторической памятью [12]; фейки и симулякры; коллективная память и поколенческий разрыв («отцы и дети») [13]; гипермнезия [14, с. 23]; соотношение памяти/вины/самопознания [15]; память и кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации [16]; субстанции памяти (памятник и отношение к нему, место памяти); мумификация культуры и мемориальные прак-

тики [17]; память как матрица истории [18]; антагонистическая память [19].

Итак, в отношении памяти существует достаточно внушительный объем исследований, которые различаются углом зрения на саму память, а также выбором, во-первых, метода, во-вторых, предмета исследования: элемента, свойства, функции и роли памяти.

Что касается конкретно социальной памяти, то можно выделить работы, посвященные такой проблематике, как социальная память в структуре научно-познавательной деятельности (С.В. Кодан [20]), «базовые механизмы социальной памяти» [21], сравнительному анализу цивилизаций через призму памяти [22].

Примечательной в методологическом плане является установка, когда память рассматривают «как непосредственное осознание не объекта в прошлом, а объекта как объекта прошлого опыта» [23, с. 280]. Таким образом, исследование памяти как саморазвивающейся дуальной системы «комплекса представлений» социальной и исторической памяти – это не только восстановление информации о социально-исторических объектах и процессах (что тоже, конечно, очень важно), но и попытка восстановления реакции и рефлексии коллективного или индивидуального субъекта истории на социальное, в которое они погружены и от которого зависят.

Таким образом, в онтологическом плане можно вести речь о «множественности памятей» [24].

Если вести речь о попытках восстановления рефлексии на историческом материале, то примечательными кажутся попытки так называемой микроистории. Итальянский историк Карло Гинзбург, яркий представитель данного направления, обратил внимание на интересный случай, зафиксированный в документах инквизиционной практики, связанный с рассмотрением дела одного мельника, жившего в XVI столетии [25]. По понятным причинам инквизицию не могли не заинтересовать идеи этого мельника, согласно которым мир возник не по божественной воле, а из хаоса, содержащего в себе «все стихии, и, подобно сыру в

молоке, они сбились в один комок, в котором появились черви, из них и произошли ангелы и Бог, создавший затем Адама и Еву» [25, с. 19]. Само собой разумеется, что сегодняшняя наша интерпретация действий инквизиторов, рассматривавших данное дело, и странные идеи фриульского мельника могут получить разные толкования: инквизиторы, как и положено, усмотрели в деле распространение ереси, мельника же мы можем заподозрить в сумасшествии или же, как минимум, «в способности к творческому образному мышлению» [25, с. 20]. К тому же, солидаризируя космогенез и образование сыра в молоке, мельник Меноккио опирался на свой бытовой опыт, т. к. «знал, а, возможно, и сам использовал технологию изготовления сыра и видел, как в нем заводятся черви» [25, с. 20]. Таким образом, мемориальная оценка и восстановление полной картины крайне сложны, потому что понимание описанной ситуации, самое меньшее, исходит из трех точек зрения: инквизиторов, мельника и нашей сегодняшней оценки. Не секрет, что мы вполне можем понять инквизиторов, осознаем нашу оценку и даже, возможно, понимаем, что навеяна она представлениями гуманистов о Средневековье как эпохе невежества, но наша позиция оценки мельника будет балансировать где-то между подозрениями в отношении его психического здоровья и признанием его метафорического таланта.

В связи с вышесказанным мы не можем пройти мимо феномена бриколажа в функционировании памяти. Путешественник Марко Поло (1254–1324), увидевший на о. Ява носорога, назвал его единорогом, т. к. видел подобное существо, скорее всего, в средневековых bestiариях. Так благодаря памяти об увиденных объектах мы объясняем нечто новое для нас с помощью имеющегося набора представлений и комбинации элементов этого набора. Парадокс здесь также состоит в том, что новое может оказаться хорошо забытым старым. А.Р. Усманова справедливо отмечает: «В случае с Марко Поло не существовало никакой платоновской идеи носорога, и он не создавал образ и понятие носорога *ex novo*,

он создал бриколаж из уже имевшихся у него представлений и понятий» [26, с. 179–180]. Исследователь М.Ю. Опенков добавляет: «Познание носорога происходило как абдуктивный вывод...» [27]. Видимо, именно так работает вышеупомянутая концепция презентизма, когда нечто неизвестное из прошлого мы объясняем наличным, имеющимся на данный момент, т. е. мы как бы создаем объект и помещаем его в прошлое, потому что он нам знаком. Платон или Аристотель, например, могут напоминать нам современного профессора философии, что лишь отчасти объясняет роль этих мыслителей в истории философии.

Нельзя также не отметить, что сегодня существуют попытки дисциплинарного обобщения проблематики памяти. В западном сегменте гуманитарной мысли круг вопросов, связанных с выявлением концептуальных оснований проблемы памяти, носит название *memory studies*.

Рассматривая отечественную философскую рефлексию социальной и исторической памяти, следует обратить внимание на остроту данного вопроса, и, видимо, не будет большим преувеличением сказать, что водоразделом в этой проблеме стал острый полемический взгляд на отечественную историю П.Я. Чаадаева, изложенный в его знаменитых «Философических письмах» [28].

Перед тем как переходить к позиции П.Я. Чаадаева, подчеркнем, что петровские преобразования буквально перевернули историю России. Прорубленное Петром «окно в Европу» определило фундаментальные сдвиги в социально-исторической памяти и способе ее трансляции, культуре, интеллектуальной традиции. Обширное забвение прошлого Руси было определено задачей заимствования всего передового в промышленности, военном деле, управлении с целью создания мощного суверенитета новой России в условиях разгоравшейся борьбы европейских стран за колонии во всем мире. На кону стоял статус России – превратиться в очередную колонию, курируемую торговой компанией одной из европейских стран, или стать полноценным субъектом международной

политики. Ясно, что эта ситуация повторилась в эпоху СССР и его противостояния Западу. Также представляется вполне очевидным, что уже в третий раз ситуация повторяется в наши дни, в новых условиях, с учетом новых технологий и новых вызовов.

Возвращаясь к П.Я. Чаадаеву, отметим, что, аргументируя свою позицию по разным проблемам отечественной цивилизационной истории, он постоянно обращался к российской исторической и социальной памяти, указывая на спектр проблем, которые станут предметом дискуссии славянофилов и западников. П.Я. Чаадаев писал о том, что сегодня мы назвали бы исторической амнезией, конфликтом внутренней социально-культурной рефлексии: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно... Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. <...> Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. <...> У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда» [28, с. 330]. Безусловно, такая полемическая оценка, с одной стороны, не могла остаться без внимания интеллектуального сообщества России того времени, в миг расколовшегося и, в известном смысле, расколотого до сих пор по вопросам путей, по которым должна идти страна, с другой стороны, спровоцировала вполне предсказуемую реакцию властей – объявление автора безумным, вызвавшее к жизни еще одно сочинение П.Я. Чаадаева – «Апологию сумасшедшего».

Анализируя восприятие российской истории, нельзя не вспомнить и знаменитый спор норманистов и антинорманистов, предшествовавший дискуссии славянофилов и западников, т. к. касался вопроса о причинах зарождения российской государственности, т. е. памяти о рождении государства. Как известно,

М.В. Ломоносов выступил с критикой положений норманистов, немецких историков (Миллера, Байера, Шлецера), провозгласивших в качестве единственного, исключительного и решающего фактора появления древнерусской государственности призвание варяжских князей. И издание «Философических писем», и спор норманистов и М.В. Ломоносова закончились вмешательством высочайших особ, в связи с чем уже в XVIII столетии появилась проблема мемориального законодательства, пытающегося найти компромисс между памятью о социальном порядке и порядком социальной памяти. Разумеется, проблема мемориального законодательства приобрела совершенно новый, но вполне закономерный «защитительный» смысл в современный период российской истории, фундированный многочисленными геополитическими вызовами и мучительным поиском собственного, независимого пути развития с учетом опыта ошибок и грубой и односторонней работы с исторической памятью.

В отношении мемориального законодательства, таким образом, определены две позиции: условно их можно назвать мемориальным либерализмом и мемориальным протекционизмом. Найти баланс между ними крайне сложно. Первый вариант развязывает руки касательно оценки прошлого как тем, кто ищет истину, так и тем, кто ищет финансовое вознаграждение, причем здесь может быть, с одной стороны, здоровый, профессиональный, академический интерес к прошлому и его проблемным местам с учетом всех «за» и «против», с другой – вполне целенаправленное, узкое, догматизированное, зачастую финансируемое извне очернение и искажение прошлого. Второй вариант предполагает наличие ценностной установки перед исследователем, фундирующей не только критическую и по возможности объективную оценку, но и широкий системный взгляд, дающий оценку событию в динамике, в сравнении с другими событиями в мире, умеющий увидеть в еще не раскрывшемся элементе зачаток будущего успеха, достижения, конкурентного преимущества.

С.Л. Ивашевский так выразил вышеобозначенную дилемму: «...в условиях обострения политической борьбы за прошлое, мемориальное законодательство будет развиваться. Это вызывает не только надежду на восстановление порядка нашей памяти, но и порождает сомнения в целесообразности решать подобные проблемы правовыми средствами» [29, с. 238].

Новым феноменом стали разгорающиеся так называемые войны памяти [30, с. 22], продиктованные, с одной стороны, столкновением наличествующих в обществе систем мнений, осколков идеологий, модных идей, внезапно возникающих и так же внезапно исчезающих медиалидеров, с другой стороны, попытками идеологического освоения прошлого, поиском новых мировоззренческих форм, отвечающих запросам времени. Трагический и одновременно героический опыт отечественной истории XX века и последующая рефлексия 1990-х годов показали присущую российскому сознанию маятниковость, максимализм оценок: от закостенелого консерватизма директивных предписаний при оценке того или иного события до хаоса мнений, полного и огульного отрицания и отбрасывания всего предыдущего опыта без остатка, до причудливого броуновского «движения умов» с разбросом мнений по любому вопросу, поляризующихся на краях дилеммы от полного «за» до полного «против».

Следует отметить, что в российском сегменте социально-исторической памяти такая ситуация касалась как оценки исторических деятелей, так и путей развития страны – в диапазоне от обожествления до демонизации.

Примечательно, что «войны памяти» и «война с памятью» ведутся так называемыми мемориальными группами, требующими легитимации именно своей версии памяти. Понятно, что в условиях информационного взрыва и господства интернет-технологий в ход идет все: от серьезных исторических исследований до создания фейков, появления симулякров и мемов. А если учесть, что мегакорпорации, владеющие основными информационными площадками, базируются в недружественных Рос-

сии странах, то борьба за контроль над памятью в Интернете приобретает своеобразный формат. Участие в информационных потоках мирового Интернета, как показывает практика, осуществляется в разных странах по-разному. Так, Китай решил эту проблему путем создания собственного Интернета, в России же продекларированы стратегии цифрового суверенитета.

Разумеется, борьба за умы в «окне Овертона», настроения, оценки, реакции в информационном поле порождает новые формы памяти, например «мобилизованную память», которая интерпретирует историю и даже историческое образование как информационное и идеологическое оружие, т. е. слово как оружие. Конечно, нельзя здесь не вспомнить знаменитую оруэлловскую формулу из романа «1984»: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее; кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое».

Итак, переписывание памяти, взлом культуры, ее трансформация, видимо, могут приносить полезные эффекты – отказ от пережитков и анахронизмов, но также могут носить и вполне деструктивный, дизруптивный для генетических оснований культуры характер, когда вместе «с водой выплескивают и ребенка», убирая фундамент, разрывая связи и преемственность памяти, формируя социальную «беспамятность», подрывая возможность воспроизводства тех структур, которые отвечают за регенерирование оснований любой культуры. И нет никаких сомнений в том, что, если этот механизм передачи «эстафетной палочки памяти» достается в руки геополитического противника, культура может утратить свой суверенитет и будет подчинена чьим-то интересам и задачам, т. е. станет не целью собственного развития, а средством для решения каких-то других задач, например внешнего управления. Примечательно в этом плане знаменитая древнекитайская мудрость: «Хочешь победить врага, воспитай его детей».

Несмотря на эффекты глобализации, унифицирующей традиционные культуры за счет цивилизационного влияния, столкновение культур не-

избежно проходит по линии памяти. Здесь нельзя не вспомнить знаменитый труд С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», повествующий о конфликте цивилизаций и линиях разлома между ними, одной из которых является «разная историческая память двух сообществ» [31, с. 479]. Понятно, что борьба и конфликт всегда более обременительны, чем сотрудничество, гармония и мир, поэтому человечество неоднократно предпринимало попытки создания неких зон «гармонии» и «примирения памяти».

Рассматривая попытки примирения различных культур в одном поле, следует упомянуть три больших проекта глобального социального переустройства, имевших место в XX столетии: американский проект («американская мечта», «плавильный котел»), советский проект по созданию особой советской цивилизации и мультикультурализм. Несмотря на определенные успехи по сплавлению, соединению, синтезированию и примирению разнородных культурных компонентов на определенной территории и на определенном историческом этапе, широко известны и проблемы, сопровождавшие данные проекты. Немалая часть этих проблем заключалась в специфике формирования политики памяти. Когда отметалось одно и социум соединялся за счет другого, неминуемо порождались дополнительные проблемы и вопросы, связанные с известной несовместимостью культур, различных ментальных установок, религиозных систем и др. Например, в случае крушения единого центра управления, как это произошло в ситуации разрушения СССР, практически мгновенно разные «спящие», латентные памяти приходят в состояние взаимного конфликта, сопровождаемого натягиванием «национальных одеял» на себя, реанимированием исторических обид, возрождением национализма. Примечательно, что даже международное право с трудом решает известную коллизию, гарантирующую одновременно нерушимость границ государства и право наций на самоопределение. Как известно, на этой основе возникло два конфликтных поля, связанных с Косово и Крымом.

Также нельзя пройти мимо мемориальной аксиологии – спектра ценностей, заключенных в исторической памяти. Дилемма в отношениях между цивилизациями, возникающая между различными системами памяти, на основе которых базируются, в свою очередь, разные культуры, может быть продиктована фундаментальными, диаметрально противоположными ценностями. Советский исследователь В. Лефевр, автор «Алгебры совести», разработал интересный мысленный эксперимент, в котором стороны, имеющие диаметрально противоположные ценности, не могут друг друга понять и принять [32]. Так, согласно мысленному эксперименту, некий огнедышащий дракон сжигает два маленьких бумажных игрушечных государства. Процесс гибели этих государств сопровождается встречей одного героя от каждого государства с драконом: один вышел с бумажной саблей и решительно готов был дать бой незваному гостю и тут же сгорел, другой вышел с протянутой бумажной рукой дружбы, но тоже погиб. Некоторое время спустя бумажные государства отстраиваются, и каждое из них бережно хранит в своей исторической памяти свою ценность: первое воспевает героя, нашедшего мужество взяться за меч, и презирает трусов, отказавшихся сражаться, второе вооруженного считает слабым, а безоружного – реальным героем, который нашел в себе мужество выйти без меча. Ясно, что, когда эти государства обнаруживают друг друга, возникает конфликт мемориальных ценностей, т. к. их памяти о добродетели, славе и героизме кардинально противоположны, и они не могут понять друг друга.

В. Лефевр задает вопрос: «...кто прав и кто не прав? Если задуматься на минуту, то станет ясно, что не существует рационального основания для предпочтения одной из этих двух точек зрения. Но и обе точки зрения одновременно невозможно принять. Такова дилемма. Мы не можем ее разрешить. Но мы можем ее объяснить, используя нашу модель» (цит. по: [32, с. 34]).

Понятно, что данная модель показывает некие последствия цивилизационно-ценностного выбора, который продиктован определенным

ответом на экзистенциальный вызов и в результате которого возникает нечто вроде памяти об экзистенциальной ситуации выбора между смертью и жизнью, исторической травмы, и любой последующий вызов принимается на основе ранее примененного алгоритма, говоря психоаналитическим языком, «ассоциативно пробужденного воспоминания о более раннем переживании» [9, с. 82].

Нетрудно догадаться, что данную версию можно перенести на множество уже прошедших и современных конфликтов, в т. ч. на ситуации нерушимости территориальных границ государств и право нации на самоопределение.

М.М. Федорова, обозначая трудную дилемму «история / память», предполагает следующее: «...решение проблемы возможно на пересечении двух линий исследования – философско-эпистемологической и практико-политической. При этом сохранение разрыва между историей и памятью приводит к обеднению истории и открывает возможности для манипулирования памятью. Вместе с тем память может быть вписана в интерпретативную перспективу, открытую к будущему, она может стать предметом коллективного освоения, а не просто элементом музеографии, оторванной от настоящего. Для нормально функционирующего общества проблема состоит не в том, чтобы развести историю и память, тщательно очертив их сферу, а в том, чтобы разрешить вопрос, каким образом можно связать историю, память и забвение» [33, с. 108].

Итак, проблема социально-исторической памяти имеет огромное значение для понимания специфики современного межцивилизационного взаимодействия, характера протекающих мировоззренческих конфликтов, понимания стратегий построения конструктивного диалога.

В заключение следует отметить, что понимающая работа с социально-исторической памятью [15] невозможна без философского познания и социального самопознания, без аксиологической рефлексии, учета результатов «переоценки» памяти на различных историче-

ских этапах в различных сообществах и социальных структурах, без глубокого анализа практик межцивилизационного взаимодействия, всегда связанных с дилеммой конструктивного заимствования, копирования и инкорпорирования чужих ценностей с одной стороны и сохранения собственных, автохтонных начал с другой.

В случае с традицией социально-исторической памяти России, конечно, следует стремиться к позиции, которую можно условно назвать суверенитетом памяти, мемориальным суверенитетом, т. е. развитием способности к самостоятельной, взвешенной и не навязанной извне рефлексии в отношении исторической памяти.

Список литературы

1. Храпов С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // *Вопр. философии*. 2020. № 3. С. 99–106. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>
2. Хазин М. Воспоминания о будущем. М.: РИПОЛ классик, 2021. 463 с.
3. Головашина О.В. Как память стала социальной? // *Вопр. философии*. 2023. № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-29-39>
4. Труфанова Е.О. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения // *Вопр. философии*. 2020. № 6. С. 18–22. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
5. Яковлева А.Ф. Коллективная и коммуникативная память научного сообщества: особенности формирования и исследования // *Вопр. философии*. 2020. № 6. С. 23–27. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-23-27>
6. Черняк А.З. Знание, память и границы субъекта // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 1. С. 101–115. <https://doi.org/10.5840/eps201956110>
7. Кабулдиязова Г.Т. Спонтанно-образная память в творчестве Анри Бергсона и в суфизме (сравнительный анализ) // *Вопр. философии*. 2022. № 12. С. 159–167. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-159-167>
8. Йейтс Ф.А. Искусство памяти / пер. с англ. Е. Малышкина. СПб.: Унив. кн., 1997. 479 с.
9. Старицашкина Д.А. Концепция памяти в психоанализе: деконструкция индивидуального/коллективного // *Психолог*. 2016. № 1. С. 80–92. <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.1.18144>
10. Емельянова Н.Н. Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации // *Вопр. философии*. 2020. № 7. С. 30–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34>
11. Кедрова М.О. Критика Даном Шпербером меметического подхода к культуре // *Филос. науки*. 2016. № 3. С. 119–127.
12. Алексеева И.Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // *Философия науки и техники*. 2019. Т. 24, № 2. С. 82–95. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-2-82-95>
13. Романова А.П. Коллективная память и поколенческий разрыв // *Вопр. философии*. 2020. № 6. С. 33–37.
14. Козолупенко Д.П. Казус Шерешевского как предельный случай гипермнезии: гипер-человеческое или уход от человеческого в сфере памяти? // *Вопр. философии*. 2021. № 11. С. 23–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-11-23-34>
15. Власова О.А. Карл Ясперс и Поль Рикёр: работа памяти как работа самосознания // *Вопр. философии*. 2023. № 5. С. 108–118. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-108-118>
16. Стычинский М.С. Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации // *Вопр. философии*. 2020. № 7. С. 35–39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-35-39>
17. Спирина Э. «Мумификация культуры»: современные подходы к мемориальным практикам // *Филос. антропология*. 2021. Т. 7, № 2. С. 110–118. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-2-110-118>
18. Аникина А.Б. Память как матрица истории в концепции П. Рикёра // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 2-2. С. 351–368. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368>
19. Летняков Д.Э. Агонистическая память и ее перспективы для постсоветского пространства // *Касп. регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 1(74). С. 52–58.
20. Кодан С.В. § 1. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации // *Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллектив. моногр. / под ред. С.В. Бочкарева*. СПб.: Астерион, 2020. С. 12–26.

21. Розов М.А. Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы // Эпистемология вчера и сегодня / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 31–50.
22. Марков Б.В. Россия и Европа в культурной памяти современности // Вопр. соц. теории. 2019. Т. XI. С. 110–117.
23. Северин М.А. Дискуссия о субъекте и субъективности («я») в современных исследованиях сознания: компаративный подход // История философии. 2013. № 18. С. 268–290.
24. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. 2010. № 1. Ст. № 3. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 17.04.2024).
25. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. 269 с.
26. Усманова А.Р. Кант и утконос... в эпистемологических дебрях // Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 173–184.
27. Опенков М.Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 127 с. URL: <http://www.ifap.ru/library/book251.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
28. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. / сост. и коммент. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. Т. 1. 798 с.
29. Ивашевский С.Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2022. № 1(57). С. 236–239.
30. Шарова В.Л. Непостоянное прошлое: историческая память как политический инструмент в электронных масс-медиа современной России // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2020. Т. 11, № 9(95). Ст. № 22. <https://doi.org/10.18254/S207987840012292-0>
31. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
32. Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопр. философии. 1990. № 7. С. 32–41.
33. Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. 2018. Т. 23, № 1. С. 108–121. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121>

References

1. Khrapov S.A. Social Memory as a Cognitive and ‘Technogenic’ Phenomenon. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 3, pp. 99–106 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>
2. Khazin M. *Vospominaniya o budushchem* [Memories of the Future]. Moscow, 2021. 463 p.
3. Golovashina O.V. How Did Memory Become Social? *Voprosy filosofii*, 2023, no. 1, pp. 29–39 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-29-39>
4. Trufanova E.O. Individual and Collective Memory: Intersection Points. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 6, pp. 18–22 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
5. Yakovleva A.F. Collective and Communicative Memory of the Scientific Community: Features of Formation and Research. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 6, pp. 23–27 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-23-27>
6. Chernyak A.Z. Knowledge, Memory, and the Boundaries of Subject. *Epistemol. Philos. Sci.*, 2019, vol. 56, no. 1, pp. 101–115 (in Russ.). <https://doi.org/10.5840/eps201956110>
7. Kabulniyazova G.T. Spontaneous-Figurative Memory in the Works of Henri Bergson and in Sufism (Comparative Analysis). *Voprosy filosofii*, 2022, no. 12, pp. 159–167 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-159-167>
8. Yates F.A. *The Art of Memory*. London, 1966. 400 p. (Russ. ed.: Yeys F.A. *Iskusstvo pamyati*. St. Petersburg, 1997. 479 p.).
9. Starikashkina D.A. Kontseptsiya pamyati v psikoanalize: dekonstruktsiya individual'nogo/kollektivnogo [The Concept of Memory in Psychoanalysis: Deconstruction of the Individual/Collective]. *Psikholog*, 2016, no. 1, pp. 80–92. <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.1.18144>
10. Emelyanova N.N. Politics of Memory and Trauma to Collective Memory Under Securitization Conditions. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 7, pp. 30–34 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34>

11. Kedrova M.O. Kritika Danom Shperberom memeticheskogo podkhoda k kul'ture [The Criticism by Dan Sperber of the Memetic Approach to Culture]. *Filosofskie nauki*, 2016, no. 3, pp. 119–127.
12. Alekseeva I.Yu. Management of Historical Memory as a Transdisciplinary Problem. *Philos. Sci. Technol.*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 82–95 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-2-82-95>
13. Romanova A.P. Collective Memory and Generation Gap. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 6, pp. 33–37 (in Russ.).
14. Kozolupenko D.P. Shereshevsky's Case: A Reflection on the Peculiarities of Human Memory. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 11, pp. 23–34 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-11-23-34>
15. Vlasova O.A. Karl Jaspers and Paul Ricœur: The Work of Memory as a Work of Self-Consciousness. *Voprosy filosofii*, 2023, no. 5, pp. 108–118 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-108-118>
16. Stychinskii M.S. Identity Crisis: Mechanisms of Oblivion and Memorialization in the Context of Globalization. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 7, pp. 35–39 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-35-39>
17. Spirova E. "Mumifikatsiya kul'tury": sovremennye podkhody k memorial'nym praktikam ["Mummification of Culture": Modern Approaches to Memorial Practices]. *Filosofskaya antropologiya*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 110–118. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-2-110-118>
18. Anikina A. Paul Ricoeur's Concept of Memory as a Matrix of History. *Idei i idealy*, 2021, vol. 13, no. 2, pt. 2, pp. 351–368 (in Russ.). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368>
19. Letnyakov D.E. Agonistic Memory and Its Prospects for the Post-Soviet States. *Casp. Reg. Polit. Econ. Cult.*, 2023, no. 1, pp. 52–58 (in Russ.).
20. Kodan S.V. § 1. Sotsial'naya pamyat' v strukture nauchno-poznavatel'noy deyatel'nosti: ponyatie, osnovnye kharakteristiki, podkhody k klassifikatsii [§ 1. Social Memory in the Structure of Scientific and Cognitive Activity: Notion, Main Characteristics, and Approaches to Classification]. Bochkarev S.V. (ed.). *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely* [Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits]. St. Petersburg, 2020, pp. 12–26.
21. Rozov M.A. Poznanie kak predmet epistemologii. Osnovnye tezisy i problemy [Cognition as a Subject of Epistemology. Main Theses and Problems]. Lektorskiy V.A. (ed.). *Epistemologiya vchera i segodnya* [Epistemology Yesterday and Today]. Moscow, 2010, pp. 31–50.
22. Markov B.V. Rossiya i Evropa v kul'turnoy pamyati sovremennosti [Russia and Europe in the Cultural Memory of Our Time]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2019, vol. 11, pp. 110–117.
23. Severin M.A. Diskussiya o sub"ekte i sub"ektivnosti ("ya") v sovremennykh issledovaniyakh soznaniya: komparativnyy podkhod [Subject and Subjectivity (Self) in Contemporary Studies of Consciousness: Comparative Approach]. *Istoriya filosofii*, 2013, no. 18, pp. 268–290.
24. Nora P. Rasstroystvo istoricheskoy identichnosti [Historical Identity Disorder]. *Mir istorii*, 2010, no. 1. Art. no. 3. Available at: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (accessed: 17 April 2024).
25. Ginzburg C. *Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mugnaio del '500*. Torino, 1976. 196 p. (Russ. ed.: Ginzburg K. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* Moscow, 2000. 269 p.).
26. Usmanova A.R. Kant i utkonos... v epistemologicheskikh debryakh [Kant and the Platypus... in the Wilds of Epistemology]. Usmanova A.R. *Umberto Eko: paradoksy interpretatsii* [Umberto Eco: Paradoxes of Interpretation]. Minsk, 2000, pp. 173–184.
27. Openkov M.Yu. *Khakni budushchee: vvedenie v filosofiyu obshchestva znaniy* [Hack the Future: Introduction to the Philosophy of Knowledge Society]. Moscow, 2007. 127 p. Available at: <http://www.ifap.ru/library/book251.pdf> (accessed: 17 April 2024).
28. Chaadayev P.Ya. *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters]. Moscow, 1991. Vol. 1. 798 p.
29. Ivashevskiy S.L. Pamyat' o sotsial'nom poryadke i poryadok sotsial'noy pamyati [The Memory of Social Order and the Order of Social Memory]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 1, pp. 236–239.
30. Sharova V.L. Nepostoyannoe proshloe: istoricheskaya pamyat' kak politicheskii instrument v elektronnykh mass-media sovremennoy Rossii [The Unstable Past: Historical Memory as a Political Tool in the Electronic Media of Contemporary Russia]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*, 2020, vol. 11, no. 9. Art. no. 22. <https://doi.org/10.18254/S207987840012292-0>

31. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, 1996 (Russ. ed.: Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, 2003. 603 p.).

32. Shreyder Yu.A. Chelovecheskaya refleksiya i dve sistemy eticheskogo soznaniya [Human Reflection and Two Systems of Ethical Consciousness]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 7, pp. 32–41.

33. Fedorova M.M. Istoriya/pamyat': "trudnaya" dilemma [History/Memory: "Difficult" Dilemma]. *Istoriya filosofii*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 108–121. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121>

Информация об авторах

Е.В. Кудряшова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the authors

Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Philos.), Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Е.Ю. Макулина – аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Evgenia Yu. Makulina, Postgraduate Student, Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 02.05.2024

Одобрена после рецензирования 05.09.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Submitted 2 May 2024

Approved after reviewing 5 September 2024

Accepted for publication 9 September 2024